

Российские элиты и кремлевские «атомы»

Построенная Владимиром Путиным система власти предполагает, что его преемнику в течение длительного времени придется оставаться «первым среди равных» представителем президентского окружения. Сам Путин после выборов 2008 года из президента станет главным арбитром | **АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН**

Приближение президентских выборов в России делает все более актуальным рассмотрение вопроса о соотношении сил внутри российской политической элиты. При этом имеет смысл вести речь уже не столько о предстоящей избирательной кампании, сколько о характере властной системы, которая сложится в стране с 2008 года. Политическая и экономическая элиты отстранены от выбора кандидатуры следующего президента, и существует устойчивое представление о том, что решение примет единственный избиратель — действующий президент России.

Элиты и выборы

Первые всеобщие выборы президента России (1991) оказались последними, проведенными еще в условиях существования СССР: фактически борьба на них шла между старой союзной и новой российской элитами. Первая выдвинула несколько кандидатов, рассчитывая, суммировав их голоса, провести во втором туре в президенты бывшего союзного премьера Николая Рыжкова. Что же касается только формировавшейся российской элиты, то она сделала ставку на Бориса Ельцина, который одержал победу уже в первом туре, спутав карты своим оппонентам.

Вторые выборы (1996) прошли уже в совершенно другой обстановке. Союзная элита распалась, большинство ее представителей оказались вытеснены из российской политики. В российской элите произошел драматический раскол, связанный с противостоянием исполнительной и законодательной властей в 1993-м, которое завершилось гражданской войной в центре Москвы. В результате недавние соратники по борьбе против путчистов из ГКЧП не только оказались по разные стороны баррикад в открытом конфликте, но и были разделены на победителей и побежденных, доминирующую и периферийную части. Если в странах Центральной Европы сложилась многопартийная система, основанная на чередовании у власти левоцентристов и правоцентристов, безусловно признававших легитимность самой системы и следовавших принципам демократии и рыночной экономики, то в России дело обстояло иначе. Для победителей система была легитимна, а наиболее радикальные из побежденных называли сложившийся режим «временным оккупационным». Любые попытки добиться национального согласия в этой ситуации воспринимались как конъюнктурные, предпринимаемые теряющей популярность властью в пропагандистских целях.

В 1996 году доминирующая часть элиты ставила своей целью сохранение статус-кво, сложившегося после октября 1993-го, а периферия стремилась взять реванш, сближаясь с маргинализированными группами. В этой ситуации победа периферии означала бы весьма вероятное возобновление силового противостояния. При этом могло усилиться влияние политических радикалов типа генерала Альберта Макашова, с антисемитскими высказываниями которого приходилось считаться и Геннадию Зюганову, ставшему политическим лидером элитной периферии. Лидерство Зюганова было связано не столько с его личными качествами, сколько

законодательством, но не обладали скольконибудь серьезной степенью легитимности в глазах общества. Региональные лидеры получили право выборности и место в федеральной элите через участие в работе Совета Федерации (эти положения содержались еще в Конституции 1993 года, но были реализованы только в 1996-м). Медийная элита стала «четвертой властью» не только по названию, но и фактически (владельцы крупных телеканалов играли значительную политическую роль, было весьма велико влияние ведущих политических обозревателей как электронных, так и наиболее известных печатных СМИ). После президентских выборов 1996

“Для Владимира Путина и группы его протеже из «питерского землячества» компромисс с элитами, доминировавшими в 1990-е, носил временный характер”.

с тем, что он использовал мощный ресурс КПрФ – наследницы КПСС, сохранившей часть региональной инфраструктуры и имевшей значительное электоральное «ядро». Именно КПрФ составила основу левоцентристского большинства, сложившегося в Государственной думе после выборов 17 декабря 1995 года: периферийная элита смогла «прорваться» на ключевые позиции в одной из ветвей власти, хотя и не ведущей.

В результате консолидация доминирующей части элиты вокруг Бориса Ельцина обеспечила первому российскому президенту победу на выборах в условиях, когда его авторитет был существенно поколеблен. Практически все элитные группы получили от Ельцина существенные преференции. Из числа крупных предпринимателей выделились олигархи, получившие привлекательные «куски» государственной собственности в ходе залоговых аукционов и других приватизационных сделок, которые были оформлены в соответствии с действовавшим

года сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, поражение периферийных элит сделало невозможным их серьезное влияние на политику исполнительной власти. С другой стороны, как отмечалось выше, они продолжали занимать преобладающие позиции в парламенте, а на многих губернаторских выборах, проходивших начиная с осени 1996-го, оппозиционные кандидаты побеждали тех, кто поддерживал верховную власть. Однако эти процессы привели не к обострению борьбы между различными элитными группами, а к тому, что грани между ними постепенно начали стираться. «Красные» губернаторы, вовлеченные в процесс политического диалога с Кремлем, стали быстро «бледнеть», дистанцируясь от КПрФ и демонстрируя свою лояльность по отношению к власти. То же справедливо и в отношении значительной части коммунистических лидеров, которые получили руководящие посты в Госдуме и занялись активным «торгом» с властью по поводу кон-

кретных законопроектов, что усиливало их лоббистские возможности и размывало «коммунистическую» идентичность. Характерна судьба Геннадия Селезнёва, который в 1996 году был избран председателем Думы голосами оппозиционного большинства, сохранил этот пост в 2000-м году при поддержке как левых, так и прокремлевских сил и покинул со скандалом КПРФ двумя годами позже.

Таким образом, представители периферийных элит активно продвигались во власть – отчасти из-за разочарования населения в прежних лидерах, отчасти оттого, что ограниченная рамками демократических электоральных процедур власть не могла предотвратить их экспансию (хотя и сумела адаптировать их к своим интересам). Такое продвижение во власть сделало ненужной консолидацию этих элит вокруг Зюганова, который постепенно оказался слишком архаичной и недостаточно перспективной политической фигурой. В то же время перегруппировка сил в элитах оказала серьезное влияние и на судьбу многих победителей в противостоянии 1993 года. Те из них, кто терпел поражение в политической и электоральной борьбе, были вытеснены на периферию. Характерные примеры – судьба партии «Демократический выбор России», не прошедшей в Государственную думу на выборах 1995-го (напомним, что двумя годами раньше фигуры, возглавлявшие «Демвыбор», занимали лидирующие позиции в тогдашней партии власти – «Выборе России»), а также закат политических карьер ряда нотаблей ельцинского режима (Виктор Шумейко, Андрей Козырев и др.). Свою роль в этих процессах играли как обвинения в некомпетентности и коррупции, выдвигавшиеся в адрес конкретных чиновников, так и общее разочарование общества в реформаторах начала 1990-х годов.

Эта тенденция усилилась после дефолта 1998-го, который дискредитировал «олигархический капитализм» и одновременно

продемонстрировал слабость существовавшей власти, что подвигло большинство элит на создание политического проекта «Отечество – вся Россия» (ОВР). Впервые в современной российской истории была предпринята попытка создания партии власти не «сверху», а «сбоку» – по инициативе руководителей регионов-доноров (таких, как Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Башкирия) и при поддержке значительной части региональных элит и крупного бизнеса. ОВР сделал заявку на представление интересов широких слоев российской элиты, победу на парламентских выборах и продвижение своего кандидата (Евгений Примаков) в президенты. По сути дела, альтернативами этому проекту были коммунисты, сохранившие существенную долю ресурсов, но все же оставшиеся на периферии и реально претендовавшие лишь на второе место на президентских выборах, а также Кремль с непопулярным президентом, опиравшийся лишь на одну элитную группу (так называемую «семью») и часть «силовики», среди которых выделялся тогдашний директор ФСБ Владимир Путин.

К 1999 году сложилась ситуация, при которой политикам, сделавшим ставку на Кремль, некуда было отступать. В случае поражения им, как минимум, угрожало вытеснение на периферию, а как максимум – безвозвратная потеря всех позиций. В то же время их оппоненты из ОВР считали, что даже при неблагоприятном для них развитии событий они сохранят доминирующие позиции в элите и любая власть будет с ними считаться. Отсутствие желания «идти до конца» стало одной из причин неудачи ОВР на парламентских выборах, после которой выдвижение собственного кандидата на президентских выборах оказалось бесперспективным. Разумеется, свою роль сыграли и другие факторы – в первую очередь соответствие фигуры Владимира Путина запросу общества на сильного и эффективного лидера, который

был бы готов взять на себя ответственность за жесткие решения и своими действиями пересматривал бы печальную парадигму 1990-х, афористично сформулированную Виктором Черномырдиным: «Хотели как лучше, получилось как всегда». Возник парадокс, который, однако, был одним из факторов успеха Путина: будучи протеже Кремля (и используя, таким образом, кремлевские ресурсы), он стал в глазах общества альтернативной элите 1990-х годов, причем всем ее группам. С этим в значительной степени и связан его стабильно высокий рейтинг.

Компромисс и его пересмотр

После победы путинского «Единого» на парламентских выборах и назначения Путина и. о. президента доминирующие элитные группы быстро присоединились к победителю. Исключение составил лишь Владимир Гусинский, что и предопределило непримиримое противостояние между ним и Кремлем в 2000–2001 годах, правда, в противном случае оно, видимо, было бы лишь несколько отложено.

Однако, поскольку на президентских выборах элиты поддержали кандидатуру Путина «от беды», вопреки собственному желанию, между Кремлем и элитами был заключен лишь временный неофициальный пакт о «мирном сосуществовании», который ущемлял интересы большинства элит, но оставлял в их распоряжении значительные ресурсы. Губернаторы теряли статус федеральных политиков в результате реорганизации Совета Федерации, но сохраняли контроль над своими регионами (созданный институт полпредов президента в федеральных округах не превратился в аналог генерал-губернаторства). Бизнес не мог находиться в оппозиции к президенту, но при этом сохранял существенное влияние на политические процессы как в центре, так и в регионах. В парламенте Кремль сформировал

центристскую пропрезидентскую коалицию (на ее основе была позднее создана «Единая Россия»), которая вела активный торг с правительством по законодательным вопросам. В случае возникновения разногласий в ее рядах Кремль мог провести необходимые для него законы, договариваясь либо с коммунистами, либо с либералами, что повышало роль и тех, и других в парламенте. Наиболее жесткий удар был нанесен по медийной элите, лишившейся статуса «четвертой власти», но большая часть элитных групп расценили такое развитие событий как неизбежное и не представляющее угрозы для их позиций.

Такой компромисс устраивал часть победителей образца 1999-го – «семейную группу», которая рассчитывала, что он будет иметь долгосрочный характер. «Семья» не только сохранила, но и укрепила свои политические и экономические позиции, ее представители занимали ключевые посты руководителя Администрации Президента РФ и премьер-министра. В конце концов, и «семья» была немаловажной частью элиты в 1990-е годы и, следовательно, считала существовавшие тогда правила игры вполне приемлемыми (разумеется, с выгодными для себя поправками, обеспечивавшими ей гарантии власти и собственности).

Между тем для Владимира Путина и группы его протеже из «питерского землячества» компромисс с элитами, доминировавшими в 1990-е, носил временный, тактический характер. Президент, еще не укрепивший свою власть, не имел полной свободы маневра в политической и кадровой сферах и потому не мог позволить себе войти в острый системный конфликт «по всем азимутам». Это вынуждало его согласиться на компромисс, который при благоприятных для Путина условиях мог быть подвергнут ревизии.

В 2003 году ревизия состоялась. «Дело Ходорковского» дало импульс для пересмотра системы отношений между Кремлем

и элитами. Одной из основных причин конфликта между властью и Михаилом Ходорковским стал вопрос о политических возможностях элит. Речь шла не о ближайших президентских выборах 2004 года (было ясно, что Путин без труда их выиграет), а о выборах 2008 года, в которых действующий президент по Конституции уже не может принимать участие. Фактически в 2003-м решался вопрос о том, могут ли элиты оказать влияние на результат этих выборов. Следующий кандидат в президенты в этом случае определялся бы на основе внутриэлитного компромисса, с которым должны были считаться все его участники, не исключая и

связан и уход из власти Александра Волошина и Михаила Касьянова, который знаменовал собой окончательную победу президента над элитой. После завершения процесса по «делу Ходорковского» бизнес отказался от самостоятельных политических амбиций на федеральном уровне. Да и на региональном позиции предпринимателей оказались ослаблены, примером чего может служить серия уголовных дел, возбужденных в отношении мэров крупных городов, которые ведут свое происхождение из сферы бизнеса. Губернаторы оказались также радикально ослаблены после отмены выборов и перехода к системе их фактического назначения главой государства (ни один

“Сохраняющееся присутствие элит в законодательной власти не имеет серьезного значения для развития политической ситуации в стране”.

Путина (при таких условиях он оставался бы хотя и главным, но не доминирующим участником политического процесса). Иной путь предусматривал бы возможность для действующего президента единолично определять как вектор развития страны, так и конкретную кандидатуру своего преемника, а все элиты — как победившие, так и проигравшие в 1999 году — должны были бы лишь принять его выбор. Как известно, события развивались по второму сценарию, что во многом было связано не только с решительностью президентской власти, но и с тем, что в глазах общества элиты не обрели достаточной легитимности. Не испытывая большой симпатии к государственной бюрократии, россияне не поддержали и гонимого ею основного акционера ЮКОСа.

Неудивительно, что в «деле Ходорковского» столкнулись интересы президента и «семьи», которая фактически уравнивалась с другими элитными группами и лишалась большей части своего политического влияния. С этим был

из предложенных президентом кандидатов не был отвергнут региональным парламентом). Кроме того, президент получил право в любой момент сместить главу региона, если тот утратил его доверие. И хотя поводом для отказа от выборности губернаторов послужили бесланские события, столь жесткое решение было бы вряд ли возможно, если бы действовал прежний компромисс с элитой.

Если влияние элиты на президентские выборы сейчас сведено к нулю, то ее влияние на парламентские выборы хотя и резко уменьшилось, но все же сохраняется. Отмена выборов по одномандатным округам сократила возможности как для влиятельных регионов, так и для федеральных политиков, которые не смогли присоединиться к какой-либо из партий. Общее сокращение количества партий также ударило по интересам элит. Финансирование оппозиции крупным бизнесом после ареста Ходорковского (как известно, представители ЮКОСа спонсировали сразу несколько оппозиционных партий)

стало настолько опасным делом, что ни один российский магнат сегодня на это не решится. Однако для представителей элит сохранились такие возможности, как участие в избирательных списках не только «Единой России» (которая не может вместить в себя всех желающих остаться в федеральной политике), но и «Справедливой России», в чьи ряды влились политики, ранее входившие в состав самых разных партий — от «Родины» до «Яблока».

намерено выдвигать какие-либо альтернативы путинскому решению. Тому есть две причины.

Первая заключена в самой природе режима Владимира Путина. Это политическая система, замкнутая на одного лидера, чей рейтинг несопоставим с популярностью других политиков — как лояльных власти, так и оппозиционных. Никаких конкурентов, способных соперничать с президентом в публичном пространстве, не существует.

“Президентское окружение не может выполнять функции ограничителей для своего патрона, которому оно обязано своим продвижением в федеральную власть”.

Впрочем, роль парламента после разрыва соглашения с элитами также уменьшилась, поскольку основные решения в области законодательства взяла на себя исполнительная власть. Сто лет назад кадетский политик Владимир Набоков в эмоциональном порыве заявил, что пусть исполнительная власть преклонится перед законодательной, теперь Россия оказалась подвержена другой крайности. Поэтому сохраняющееся присутствие элит в законодательной власти не имеет серьезного значения для развития политической ситуации в стране — по крайней мере до тех пор, пока остается неизменным нынешнее соотношение сил между исполнительной и законодательной ветвями власти.

Кремлевские «атомы»

Понятно, что элиты 1990-х годов отстранены от принятия решений по поводу кандидатуры преемника действующего главы государства. Но и ближайшее окружение президента, составленное из хорошо знакомых ему доверенных лиц, также не является стороной, которая может оказывать прямое влияние на путинский выбор. Разумеется, руководитель страны должен принимать во внимание расстановку сил в своем окружении, но само оно не способно и не

Президентское окружение не может выполнять функции ограничителей для своего патрона, которому оно обязано своим продвижением в федеральную власть. Равным образом в рамках режима нет и «человека номер два», который считался бы естественным преемником Путина, обладающим самостоятельной легитимностью и собственным набором ресурсов; без них он не может быть не только независимой, но даже и автономной политической фигурой. Представляется, что одним из мотивов назначения Михаила Фрадкова премьер-министром было стремление избежать появления сильного и амбициозного главы правительства, способного спорить с президентом и ограничивать его влияние. Достаточно вспомнить разногласия между Путиным и Касьяновым по поводу темпов роста и необходимости административной реформы; в случае же с Фрадковым трудно представить себе подобные споры.

Вторая причина — это «атомизированный» характер президентского окружения, составляющий одну из важных особенностей путинского режима. Можно выделить несколько основных источников, из которых рекрутируется команда Владимира Путина: и однокурсники по университету, и сослужив-

цы по ленинградскому управлению КГБ, и коллеги по разведке, и бывшие сотрудники петербургской мэрии, как находившиеся в непосредственном подчинении будущего президента, так и работавшие в других подразделениях. Однако было бы неверно на основании генезиса путинской команды делать вывод о расстановке сил внутри нее.

В прессе нередко можно встретить такие формулировки, как «питерские чекисты» или «питерские юристы», которые создают впечатление, будто речь идет о структурированных группах влияния, в которые объединены фигуры «первого ряда» из президентского окружения. Так была организована «семейная» группа, которая, впрочем, к нынешнему времени дезинтегрировалась, а ее участники выбрали собственные политические стратегии, иной раз радикально противоположные: к примеру, достаточно сравнить деятельность Бориса Березовского и Романа Абрамовича.

В отличие от «семейных» выдвиженцы Владимира Путина изначально не были объединены в структурированные группы – общим для них были безусловная лояльность президенту и противостояние элите 1990-х годов. Первое остается актуальным и сейчас, второе в значительной степени утратило свое значение после того, как политические амбиции старой элиты были нейтрализованы. В последний раз мобилизация путинского окружения произошла как раз в период «дела Ходорковского», когда выходцы из Санкт-Петербурга, которых принято относить к «силовикам» и «либералам», в публичном пространстве заняли позиции, мало отличающиеся друг от друга: разногласия касались лишь частных вопросов.

Дмитрий Медведев, Сергей Иванов, Игорь Сечин, Виктор Иванов, Алексей Миллер, Владимир Якунин, Сергей Чемезов, Николай Патрушев, Алексей Кудрин, Герман Греф, Дмитрий Козак, Виктор Черкесов и ряд других ключевых фигур путинского окружения

как раз представляют собой описанные выше «атомы». Даже широко распространенное представление о стабильной группе влияния Сечин – Виктор Иванов кажется несколько поверхностным – ведь речь идет о двух сильных фигурах из путинского окружения, имеющих собственные интересы. То же относится и к Дмитрию Медведеву, и к Алексею Миллеру, которые являются партнерами в руководстве «Газпрома» соответственно в качестве председателя совета директоров и председателя правления этой компании.

Идеологическая близость между отдельными участниками путинской команды не означает, что в аппаратной борьбе они выступают союзниками. Более того, если их компетенции близки или даже пересекаются, то они могут стать и конкурентами. Вспомним проект, связываемый с именем Черкесова и предусматривавший создание Федеральной службы расследований (ФСР), – он был выдвинут в 2003-м, но так и остался не реализован из-за противодействия со стороны действующих силовых структур – ФСБ и МВД, чьи полномочия в случае реализации данного проекта должны были существенно сократиться. В результате Черкесов возглавил вновь образованное ведомство по борьбе с наркотиками, обладающее куда меньшими возможностями, чем проектировавшаяся ФСР. Еще один пример аппаратной близости, на которую часто указывают СМИ, – это позиции министров экономического блока правительства – Кудрина и Грефа. Их называют «питерскими либералами» в противовес «силовикам». Но при этом следует помнить о различии приоритетов Министерства финансов и Министерства экономического развития и торговли, которое оказывает существенное влияние на аппаратные позиции сторон. Так, МЭРТ, заинтересованное в развитии предпринимательства, выступает за существенное снижение НДС (в этом отношении его позиция

ближе к точке зрения премьера Фрадкова), тогда как отвечающий за наполнение доходной части бюджета Минфин возражает против подобной инициативы.

«Атомизация» команды выгодна Путину, поскольку она укрепляет его позиции безусловного арбитра при возникновении конфликтов внутри президентского окружения, – например, в разрешении противоречий между «Газпромом» и «Роснефтью». Еще один примечательный пример арбитража – кадровые решения, связанные со сменой руководства Генеральной прокуратуры в 2006 году. Отметим, что смещенный со своего поста Владимир Устинов возглавил Министерство юстиции, обладающее менее высоким статусом, чем Генпрокуратура, но при этом смог провести своих кандидатов на ряд важных постов – главы Федеральной регистрационной службы, а также российского представителя в Европейском суде по правам человека. Таким образом, он не только остался в истеблишменте, но и стал более влиятельным министром, чем его предшественник.

Отдельные участники путинского окружения могут вступать друг с другом в коалиции, которые, однако, носят ситуативный характер и связаны с решением конкретных проблем. Такие коалиции достаточно быстро распадаются и не могут считаться «группами влияния». Кроме того, у каждого «питерца», обладающего серьезным аппаратным весом (название «питерцы» условное, поскольку некоторые из «государевых людей» познакомились с будущим президентом, например, во время совместной службы в ГДР), есть свои клиентелы, которые часто носят достаточно разветвленный характер. К этим клиентелам принадлежат как собственно «питерцы», так и выходцы из традиционных элитных групп, принявшие новые правила игры. Так, председатель Высшего арбитражного суда Антон Иванов является протее

Дмитрия Медведева, Владимир Устинов – политическим союзником Игоря Сечина, а глава Федеральной таможенной службы Андрей Бельянинов долгое время работал вместе с Сергеем Чemezовым.

Задачи президента

В сложившейся конфигурации решение вопроса о преемнике оказывается в эксклюзивном ведении президента. При этом среди «атомизированного» окружения невозможно найти не только идеальный консенсус по поводу кандидатуры преемника, но даже и приближающийся к идеалу. Неудивительно, что основные «атомы» из путинского окружения в преддверии выборов предприняли ряд шагов для усиления своего экономического влияния: после 2008-го это может стать более сложным делом. Так, «Газпром» установил контроль над Ковыктинским газовым месторождением и проектом «Сахалин-2», «Роснефть» приобрела активы ЮКОСа, а структуры, находящиеся в сфере влияния «Рособоронэкспорта» Чemezова, объединяются в единую корпорацию.

Однако отсутствие консенсуса может быть заменено паллиативными мерами – появлением коллективного руководства, в рамках которого действующий президент, как основатель и признанный лидер существующей системы, оставит за собой ведущие функции (будь то в должности руководителя Совета безопасности с расширенными полномочиями, председателя совета «Газпрома» или в каком-либо другом качестве – конкретное место работы Путина после ухода с поста президента является вопросом важным, но не главным). В том числе и роль арбитра в структуре, которая и при следующем главе государства сохранит свой нынешний «атомизированный» характер.

В этой логике первая путинская задача должна заключаться в том, чтобы создать систему власти, при которой баланс инте-

ресов во власти остался бы неизменным, а возможности преемника принимать масштабные самостоятельные решения были бы ограничены. Осуществить такую задачу можно путем выстраивания системы сдержек и противовесов, с которыми будет вынужден считаться любой преемник. Тогда вопрос о конкретной кандидатуре будущего президента перестает быть решающим.

Теоретически победитель по итогам выборов может сломать эту систему, но на практике сделать это будет крайне сложно. Вспомним, что сам Путин при его огромном рейтинге и в ситуации, когда Борис Ельцин полностью утратил политическое влияние, смог заменить силовых министров только через год после своего избрания президентом. А уволить главу собственной админист-

контексте можно рассматривать и назначение Анатолия Сердюкова министром обороны, и приход на пост главы вновь созданного Следственного комитета при Генпрокуратуре однокурсника Путина по университету Александра Бастрыкина.

Таким образом, Владимир Путин намерен не только полностью контролировать ситуацию до конца своего второго срока, но и сохранить существенное влияние на политику государства после ухода с поста президента, в том числе и с помощью использования кадровых рычагов. При ослабленном преемнике он, как «отец-основатель» нынешнего политического режима, оставит за собой роль если не демиурга политической системы, то хотя бы главного арбитра в отношениях между основными «атомами»,

“Идеологическая близость между отдельными участниками путинской команды не означает, что в аппаратной борьбе они выступают союзниками”.

рации и премьер-министра — лишь в конце первого срока. Понятно, что преемнику сильного и дееспособного Путина проводить независимую кадровую политику будет еще сложнее.

В связи с формированием «команды преемника» можно обратить внимание на ряд знаковых назначений во властных структурах, состоявшихся в 2007 году. Представляется знаменательным, что новые назначенцы не входят в состав клиентел основных претендентов на преемничество и обязаны своим назначением Путину. Так, глава аппарата правительства Сергей Нарышкин получил пост вице-преьера — не исключено, что и при следующем президенте он сохранит контроль над внешнеэкономической деятельностью, которую некогда курировал в администрации Ленинградской области. В этом же

составляющими сейчас его ближайшее окружение. При этом ни один из них не сможет стать доминирующим.

Вторая задача действующего президента — не стать «хромой уткой». Напомним, что этим термином в политологии обозначается президент, который завершает срок своих полномочий и не будет переизбираться на новый срок. Эффект «хромой утки», например, становится все более актуальным для Джорджа Буша. Не случайно внимание американского политического класса все более смещается в сторону возможных участников президентской кампании-2008, таких, как Хиллари Клинтон, Барак Обама, Рудольф Джулиани.

В современной России эффект «хромой утки» может начать действовать, когда Путин твердо обозначит, кого именно он видит кандидатом от власти на следующих выборах.

В этот момент он превратится в «уходящего» президента, а политические элиты начнут выстраивать отношения с будущим главой государства. Если сейчас только отдельные политические фигуры обозначили свои предпочтения, то впоследствии к дверям его приемной хлынет толпа желающих выиграть или хотя бы не проиграть при новом президенте. Влияние же Путина в этом случае уменьшится и сведется к функции арбитра, улаживающего конфликты, возникающие

в январе 2006 года за кандидата, предложенного Путиным, были готовы проголосовать 38 проц. респондентов, еще 35 проц. этого не исключают (примут решение в зависимости от обстоятельств) и 12 проц. затруднились ответить. Электоральная ситуация, таким образом, выглядит максимально благоприятной и практически дает президенту карт-бланш в вопросе о выборе преемника и позволяет максимально сократить кампанию по его «раскрутке».

“Если Путину удастся выстроить стабильную диархию, то в ней во многом и будет заключаться бремя преемника”.

внутри Кремля. Кроме того, дать обратный ход, пересмотреть кандидатуру преемника будет крайне сложно.

Разумеется, президент отдает себе отчет в важности этой проблемы. Отсюда и периодически возникающие утечки о том, что преемником может стать некий «мистер Х», не входящий в «шорт-лист» (например, в середине прошлого года в этом контексте вдруг заговорили о полпреде в Приволжском округе Александре Коновалове). Возможно, именно поэтому так долго остается на своем посту премьер-министр Михаил Фрадков: в случае его замены на человека из ближнего путинского круга это решение будет истолковано как выбор кандидатуры преемника. Именно желанием сохранять эффект неопределенности как можно дольше и объясняются действия Путина, который в начале 2007-го после давосской презентации Медведева съездил в Мюнхен вместе с Сергеем Ивановым, а затем «приподнял» его в рамках правительства, назначив первым вице-премьером. Поскольку избиратели не проявляют нетерпения, действующий президент может тянуть с обнародованием имени преемника: по данным Левада-центра, в сен-

Третья задача Путина — выстроить систему взаимоотношений с преемником, возможно, в форме диархии, то есть соправительства. Можно вспомнить китайский опыт Дэн Сяопина, который выдвигал на ведущие посты в партии «атомы» из своего окружения — Ху Яобана и Чжао Цзяяна, а затем смещал их, когда, с его точки зрения, они оказывались неудачными фигурами. Однако к современной России, где президент выбирается всенародным голосованием, подобный опыт применим лишь частично. Кроме того, в российской исторической практике последних веков не было аналогов диархии (можно вспомнить разве что начало XVII столетия, когда после Смутного времени страной правили отец и сын — патриарх Филарет и царь Михаил Федорович). Эта схема неплохо работала в условиях «атомизированной» элиты, только что вышедшей из многолетней гражданской войны, разрушившей многие традиционные клановые связи. Однако в том случае речь шла о цементирувавших диархию семейных отношениях, которые в современной России неактуальны. Если Путину удастся выстроить стабильную диархию, то в ней во многом и будет заключаться

бремя преемника. Формально он будет таким же главой государства, как и его предшественник, фактически же еще в течение длительного времени ему придется оставаться «первым среди равных» представителей окружения Владимира Путина, который из президента станет главным арбитром. Таким образом, до конца не будут ясны ни его реальные функции, ни набор ресурсов преемника.

Итак, основной вопрос состоит в том, как действующий президент решит принципиально важную проблему формата российского соправительства XXI века с учетом собственных интересов, роли преемника и соотношения сил внутри созданной им

конструкции. Представляется, что и этот вопрос Путин решит без участия традиционной элиты, равно как и путинские «атомы» будут поставлены перед фактом. Разница между ними состоит в том, что в обновленном варианте путинской системы вторые окажутся активными игроками, а первая сохранит свою подчиненную роль. Впрочем, не исключено, что отдельные представители традиционной элиты будут стремиться стать опорой будущего президента, которому понадобятся политические партнеры, чтобы усилить свои позиции в условиях новой конфигурации сил, которая сложится после выборов. ■